

РЕЧИ НИ К КОМУ: ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КРИТИКИ РОССИЙСКОГО РЕСЕНТИМЕНТА

Леонид Гершевич Фишман,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
lfishman@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.03.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Фишман Л.Г. Речи ни к кому: об эффективности критики российского ресентимента // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 24–34. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_24

Аннотация

Целью статьи является анализ эффективности стратегии критики российского ресентимента. Характеризуется концепция ресентимента как инструмент обличения, перевоспитания, социальной критики. Утверждается, что классическая и современная критика ресентимента является критикой «ложного сознания» справа. Она сводится к дискредитации любых попыток «униженных и оскорбленных» изменить свое положение. В ней конформистскому дискурсу «успешных» и «позитивных» социальных субъектов противопоставляется ресентимент как мироощущение ущербных неудачников. Такая критика в условиях современной России оказывается малоэффективной. Как бы ни были точны ее выпады, они не могут перевоспитать ни действительно «униженных и оскорбленных», которым нечего терять, ни «успешных» представителей элит. Критика российского ресентимента могла бы иметь больший эффект, если бы акцентировала внимание на разнице между ресентиментом элит и масс, но в силу имманентно заложенных в ней идеологических ограничений на такое неспособна. Она остается разновидностью «внешнего», вестернизирующего дискурса, выступающего с позиций само собой разумеющейся нормативности, по отношению к которой все прочее есть отклонение. Ей фактически не к кому об-

© Фишман Л.Г., 2022

ратиться в пределах российского общества, которое за минувшие десятилетия устало от такого рода критики и проявляет довольно высокую степень единства в неприятии как «успешных людей», которые покинули Россию уже давно, так и тех, кто покинул ее совсем недавно. Поэтому в данном случае она не достигает своей цели.

Ключевые слова:

ресентимент, ложное сознание, элиты, массы, идеология, риторика реакции.

UDC 159.9+32

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_24

SPEECHES TO NO ONE: ON THE EFFECTIVENESS OF RUSSIAN RESENTIMENT CRITICISM

Leonid G. Fishman,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
lfishman@yandex.ru

Article received on March 18, 2022, accepted on May 4, 2022

For citation: Fishman, L.G. (2022). Speeches to No One: On the Effectiveness of Russian Resentiment Criticism. *Discourse-P*, 19(2), 24–34. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_24

Abstract

The article is aimed at analyzing the effectiveness of the strategy of Russian resentment criticism. It characterizes the concept of resentment as a tool of denunciation, re-education, and social criticism. The author argues that the classical and modern criticism of resentment is a criticism of “false consciousness” from the right. It boils down to discrediting any attempts of the “humiliated and insulted” to change their position and contrasts the conformist discourse of “successful” and “positive” social actors with resentment as the worldview of defective losers. Such criticism turns out to be ineffective in modern Russia. No matter how accurate its attacks may be, they cannot re-educate neither the truly “humiliated and insulted”, who have nothing to lose, nor the “successful” representatives of the elites. Criticism of Russian resentment could have a greater effect in case of being focused on the difference between the resentment of the elites and the masses, but due to inherent ideological limitations, it is incapable of doing this. It remains a kind of “external”, westernizing discourse, acting from the standpoint of self-evident normativity, in relation to which everything else is a deviation. In fact, it has no one

to turn to within the Russian society, which over the past decades has grown tired of this kind of criticism and shows a rather high degree of unity in rejecting both those “successful people” who left Russia a long time ago and those who have left it quite recently. Therefore, in this case, it fails to achieve its goal.

Keywords:

ressentiment, false consciousness, elites, masses, ideology, rhetoric of reaction.

Введение

Одной из стратегий критиков современного российского политического режима, да и в целом России как социокультурного субъекта, состояния российского общества, которое обуславливает действия страны на глобальной арене, является констатация пронизывающих его ресентиментных настроений. Так, С. Медведев замечал, что уже «Россия нулевых – яркий пример ресентимента, ставшего государственной политикой. Одним из главных пропагандистских мифов путинской эпохи, который начал активно раскручиваться едва ли не с первых месяцев прихода Путина к власти, стала «теория поражения» России, начиная с ламентаций о «крупнейшей геополитической катастрофе XX века», каковой был распад СССР, и заканчивая расхожим мемом о «лихих девяностых» (Медведев, 2014). Л. Гудков (2021) писал о массовом ресентименте, который стал следствием разочарования от результатов реформ, влияния консервативной демагогии, критики «проводимой правительством политики со стороны коммунистов, военных, националистов, считавших гайдаровские реформы частью стратегического плана по разрушению СССР» (с. 73). М. Ямпольский еще во время Крымской весны описывал общественные настроения в России как массовый «отказ от реальности», связанный с «чувством беспомощности людей, неспособных внести хотя бы мизерное изменение в жизнь своей страны и даже своей семьи», как «взрыв «рабского» негативизма, помогавшего людям преодолеть чувство отчуждения и униженности». Поэтому «все российское общество, от Путина до последнего стрелочника, в равной мере является носителем ресентимента. ...ресентиментные фантазии власти в какой-то момент вошли в странный резонанс с ресентиментными фантазиями обывателей. И мир стал трансформироваться. Авантюра на Украине стала благородной войной против воображаемых фашистов, изоляция России – ее утверждением в ранге великой державы, упадок экономики и падение доходов – ростом благосостояния и счастья. И даже люди, далекие от фантазмов ресентимента, но напуганные ураганом происходящих изменений, которые они не в силах предотвратить, систематически пытаются отрицать реальность происходящего или хотя бы закрыть на нее глаза»¹. Даже если не соглашаться с оценками, данными в этом пассаже несколько лет назад, трудно отрицать, что сегодня

¹ Ямпольский, М. (2014, 6 октября). *В стране победившего ресентимента*. Взято 20 февраля 2022, с <https://www.colta.ru/articles/specials/4887-v-strane-pobedivshego-resentimenta>

такая точка зрения тем более может найти массу сторонников. Ведь те причины, которые побудили ее сформулировать, сейчас воспроизводятся в гораздо более концентрированном виде.

Но насколько оправдана стратегия критики российского общества с точки зрения концепции ресентимента? Насколько она может быть действенной? Для этого надо сначала ответить на вопрос, что представляет собой концепция ресентимента как инструмент обличения, перевоспитания, социальной критики.

Ресентимент как критика «ложного сознания» справа

Прежде чем приступить к последующему изложению, отметим, что нет основания огульно отрицать феномены, квалифицируемые как ресентимент. Мы исходим из понимания ресентимента, вытекающего из сочинений Ницше и Шелера, т. е. как феноменального единства переживаний и действия, обусловленного бессильным негодованием ввиду невозможности изменить свое положение, из чего вытекает моральная установка «переоценки ценностей» с сознательной и бессознательной целью отомстить виновникам перманентного унижения (Фишман, 2021, с. 147). Надо особенно подчеркнуть, что в изложении сторонников концепции ресентимента последний не является простым чувством бессилия, которое вызывает желание отомстить – пусть даже и в неосязаемой сфере морали. Это, в первую очередь, специфический самообман. Как замечает Н. Вайман, «о ресентименте в строгом смысле слова можно говорить только тогда, когда цель влечения достижима. Ресентимент – это результат надлома: человек пасует перед трудностями в борьбе за какие-то достижимые цели – и «делает из нужды добродетель», то есть свой отказ от борьбы выстраивает и теоретически обосновывает (не важно, на каком «философском уровне») тем, что цель якобы недостойна... Для возникновения ресентимента необходимо, чтобы субъект «в глубине души» осознавал, что он «сдрейфил» и произвел подмену: вместо того, чтобы признаться себе: я отступил от трудно достижимой цели, потому что не был готов к борьбе и возможным лишениям, он говорит: я запросто мог бы этого достичь (цель легко достижима), но не стал этого делать, потому что эта цель противоречит моим высоким нравственным принципам... При этом «вытесняется» опять же не влечение, а одна теоретическая модель – другой: правдивая, но неудобная – лживой, но «щадящей»².

В конечном счете концепция ресентимента делит всех на сильных и слабых (в моральном плане). В ее основе находится обличение слабых в склонности к «ложным самоотчетам», причиной чего является неготовность признаться в том, что ты отказался достигнуть вполне достижимой цели. Иными словами, это обличение недовольных в том, что на самом деле они ленивы, безвольны и неспособны признать, что именно в этих качествах заключается главная причина их бед. От этого они начинают переоценивать ценности и таким образом изощренно мстить успешным и сильным.

Всякую критику следует оценивать, исходя из того, насколько велики ее шансы достучаться до критикуемого объекта, изменить общество, вызвать

² Вайман, Н. (без даты). *Ресентимент*. Ч. 2. Взято 20 февраля 2022, с <https://snob.ru/profile/30159/blog/1004482/>

внимание элит и масс и т. д. Какова с этой точки зрения критика, строящаяся на обличении ресентимента?

Вне зависимости от того, насколько точны и тонки замечания по поводу истинной подоплеки ресентиментного поведения, стратегий, идеологий, нужно заметить, что концепция ресентимента является критикой «ложного сознания» *справа*. Это, по сути, всякая критика неуспешных людей и их реакций на свое положение с точки зрения успешных и процветающих. Позиция последних основана на представлении, что мир в целом хорош и справедлив, что «кто хочет, тот добьется», а если не добился, то исключительно сам в этом виноват. И все его недовольство, равно как и действия, продиктованы чувством зависти к успешным и желанием отомстить. Мы без труда можем провести определенные ассоциации, заметив, что именно так и реагируют на всякое недовольство наименее совестливые представители правящих классов и их идеологическая обслуга. Таковы аристократы французского старого порядка, ангажированные интеллектуалы Германии конца XIX – начала XX вв., современные неolibе-ральные учителя успешной жизни, значительная часть американского демократического истеблишмента, когда они обличали сторонников Трампа, и т. д. До недавних пор это была реакция ряда представителей наших отечественных элит, когда их уличали в показной роскоши или в лицемерии на тему «я сам всего добился». Все они были не прочь поучить всяких неудачников, почему-то не сумевших интегрироваться в лучший из возможных миров. Нечто похожее мы видим и у современных разоблачителей российского ресентимента. Упомянутые выше рассуждения С. Медведева представляют типичный пример дискурса успешности и удачливости (при соответствующих усилиях), противопоставляемый ресентименту. «По здравом размышлении, – пишет С. Медведев, – мирный роспуск Советского Союза (в отличие, например, от взрывного распада Югославии) был не поражением России, а шансом для нее, сохранив основную территорию, население, ядерный потенциал и правопреемство от СССР, избавившись от затратного имперского балласта, совершить постиндустриальный переход, присоединиться к «золотому миллиарду» глобального Севера. Собственно, активная часть российского населения, включая всю правящую элиту и самого президента Путина, этим шансом успешно воспользовалась. Россия нулевых, оправившись от кризиса 1998 г., используя попутный ветер слабого рубля и растущих нефтяных цен, неуклонно поднималась с коленей, удваивала ВВП, вступала в ВТО, сотрудничала с США в войне с террором – но при этом для домашнего употребления тиражировался миф о геополитическом поражении, унижении и разграблении России мировым либерализмом и его ставленниками Ельциным, Гайдаром и Чубайсом... Мысль о поражении и чувство обиды на реформаторов и на окружающий мир стали удобным оправданием для социального иммобилизма и паразитизма путинской эпохи, совпали с глубинной российской склонностью к ресентименту» (Медведев, 2014). Словом, перед Россией было широко открытое «окно возможностей», но она им не воспользовалась, поскольку мешал «социальный иммобилизм и паразитизм» большей части населения.

Упор на иммобилизм, паразитизм и иные негативные черты страдающего ресентиментом субъекта – характерная черта классического дискурса о ресентименте, который повествует об ущербной во всех отношениях личности. Ей противопоставляется личность благородная, гармоничная, сильная; словом, об-

разец человека, который должен выступать в качестве объекта для подражания. Так, Ницше пишет о «высокородных», которые чувствуют себя счастливыми, потому что являются активными людьми, не лгут себе, «позитивны» (Ницше, 1990, с. 453) в отличие от пассивных, «бессильных, угнетенных, гноящихся ядовитыми и враждебными чувствами людей» (с. 426). Это крепкие и цельные натуры, «в которых преизбыточествует пластическая, воспроизводящая, исцеляющая и стимулирующая забывчивость сила (хорошим примером этому в современном мире является Мирабо, который был начисто лишен памяти на оскорбления и подлости в свой адрес и который лишь оттого не мог прощать, что – забывал)» (с. 426). «Активный, наступательный, переступательный человек все еще на сто шагов ближе к справедливости, нежели реактивный; ... Оттого фактически во все времена агрессивный человек, в качестве более сильного, более мужественного, более знатного, обладал и более свободным взглядом, более спокойной совестью...» (с. 453). Ему противопоставляются люди *ressentiment*, «эти физиологически увечные и источенные червями существа» (с. 494), придумавшие самую «нечистую совесть». Ницше во многом вторит Шелер, для которого ресентимент также является отрицанием естественного, жизнеутверждающего, подлинного, «аристократического» начала. Для Шелера, к примеру, «очевидно», что в основе трудовой теории собственности «лежит зависть трудящихся классов к тем группам, которые получили собственность не ценой труда» (Шелер, 1999, с. 155), в то время как сословный социальный порядок, в основе которого находится «благородная кровь и традиция», есть для него «осмысленная селекция лучших», «слепок присущей всей живой природе аристократии» (с. 183). Ресентимент для Шелера – «источник переворотов в извечном порядке человеческого сознания, одна из причин заблуждений в познании этого порядка и в претворении его в жизнь» (с. 56).

Иными словами, в рамках концепции ресентимента если некто долго³ испытывает характерные для ресентимента чувства, то он, несомненно, «раб», ущербный человек и ему должно быть стыдно признаваться в самом наличии этих чувств. Акцентирование внимания на этом – достаточно примитивная манипуляция, которая с сегодняшней точки зрения достойна коучей, рисующих нам портрет позитивного и по-хорошему «агрессивного человека», старающегося не фокусироваться на плохом. Она предназначена для масс как один из инструментов «буржуазной пропаганды», ставящей своей целью убедить свой объект, что с существующим порядком вещей борются лишь ущербные, слабые, ресентиментные людишки. Объект же пропаганды не слаб, он успешный человек. И пусть он принадлежит объективно к «заведомо низшим слоям общества», он стремится доказать обратное, например, относя себя к «среднему классу» и ради этого амбициозно влезая в долги (Вайс, 2021, с. 67).

Именно поэтому (парадоксальным образом!) добродетель не страдающего ресентиментом человека должна заключаться в моральной и умственной пассивности, блокирующей всякое желание изменить существующий порядок вещей. Ведь не тот одержим ресентиментом, кто терпит свое униженное положение,

³ Если недолго, то можно, ибо, согласно Ницше, недолго испытывать ресентимент могут и подлинные аристократы духа, наделенные благотворной способностью забывания плохого.

или, обладая памятью рыбки или ницшевского аристократа, постоянно забывает о нем, а тот, кто *не* терпит. Поэтому необходимо особо указать на следующее: ресентимент или нечто подобное ему замечают не у всяких неудачников, а исключительно у тех, кто отказывается играть по правилам, не признает их справедливыми, не смиряется и начинает действовать – хотя бы в плане «переоценки ценностей», чтоб изменить мир хотя бы таким образом. Чего уж говорить о ситуациях, когда обличаемые в ресентименте субъекты проявляют активность также и в материальном мире, а не только в области духа! Когда они восстают, объявляют этому миру войну и т. д. Им предрекают неудачу в виде «непреднамеренных последствий», извращение целей ввиду применения неподходящих средств, обнаруживают у них корыстные мотивы разного рода. В связи со сказанным следует отметить, что приемы осмысления социальных феноменов, характерные для концепции ресентимента, гораздо более распространены, чем само слово «ресентимент». Таково, к примеру, отношение Айн Рэнд и ее любимых героев ко всякого рода левым, государству, бедным и т. д., которые обвиняются в паразитизме и тунеядстве, лишь прикрываемом заботой об общенациональных задачах, социальных благах и коллективных ценностях (Шляпентох, 2010). Причем дело подается так, будто государство, левые, паразиты и бедняки уже победили и навязали обществу свою «переоценку ценностей», из-за которой страдают по-настоящему моральные, предприимчивые и творческие люди.

Иными словами, субъекту ресентимента приписывается одновременно ряд качеств, обуславливающих его бессилие и активность с целью изменения мира. Но эта активность неправильная, недопустимая. Идеалом критиков ресентимента является поэтому самый обычный конформист, активность которого разворачивается в пределах, обусловленных его сравнительно привилегированным положением или искренней верой в справедливость наличного порядка вещей. В конечном счете к дискурсу о ресентименте можно отнести едва ли не всякую «риторику реакции», которая призвана убедить окружающих, что любое действие, направленное на улучшение политического, социального или экономического устройства, неизменно приводит к полностью противоположным результатам; любые попытки преобразования общества тщетны, а предлагаемые реформы обойдутся слишком дорого и поставят под угрозу прошлые завоевания (Хиршман, 2010).

Критика, бьющая мимо цели

С учетом вышесказанного эффективность стратегии обличителей ресентимента в ряде случаев оказывается весьма ограниченной. Как бы ни были точны их выпады, вряд ли они могут перевоспитать действительно «униженных и оскорбленных» в тех случаях, когда им нечего терять. В сущности, стратегия обличения ресентимента может иметь успех только тогда, когда жизнь этих «униженных и оскорбленных» не слишком беспросветна, постепенно улучшается, работают социальные лифты. Тогда социальные низы получают некоторое основание верить, что если они будут играть по правилам, наступит и на их улице праздник. Эта стратегия работает также и будучи адресованной типичным представителям «среднего класса», которые даже обнаружив на склоне лет, что их инвестиции, к примеру, в собственность и образование, не принесли

ожидаемых плодов, скорее будут продолжать их делать по-прежнему, чем признаются себе в ошибочности своих действий. И положение которых, при всех оговорках, обусловленных политической и рыночной турбулентностью, все-таки является достаточно устойчивым ввиду наличия обеспеченных государством социальных гарантий.

Однако положение социальных низов и полумифического «среднего класса» в современной России оставляет желать лучшего. В нашей стране существует огромный запрос на социальную справедливость и справедливость вообще. И этот запрос в своих мировоззренческих основаниях исключает высокомерные поучения успешных людей в адрес людей (и стран), которым по умолчанию пронизаны обличения в ресентименте. Этот запрос настолько выражен, что санкции Запада по отношению в прослойке наших отечественных успешных людей, новости об аресте их яхт, финансовых и прочих потерях встречаются соотечественниками вовсе не с сочувствием, а с откровенным одобрением, если не со злорадством. Мы вряд ли сильно ошибемся, предположив, что люди, кичившиеся своей успешностью (особенно их дети, нередко считающие свои достижения результатом исключительно собственных заслуг), вызывают даже большую неприязнь, чем все внешние враги России, вместе взятые. Более того, есть основания считать, что Запад своими санкциями угадал сокровенные мечты множества россиян: кто и так мало что мог себе позволить, ничего не потерял, потеряли те, кто мог. Иными словами, Запад уравнил всех, наказав при этом самых богатых. Да, наверное, реакция, граничащая со злорадством по этому поводу, и есть ресентимент. Ну и что? Констатация этого вряд ли вызовет у нас пароксизмы стыда значимых масштабов, не говоря уже о моральной революции, меняющей облик общества. Стратегия обличения ресентимента как типичная «критика справа» не способна произвести впечатление на тех, к кому, она, казалось бы, адресована.

Тем не менее критика ресентимента имеет шансы на успех, когда речь идет о разделении ресентимента на ресентимент, условно говоря, богатых и ресентимент бедных. Ресентимент не самых обездоленных слоев населения, элит, успешных даже по западным меркам, но рядящихся в рубища дискриминированных – не то же самое, что ресентимент бедных. Сущность ресентимента как разновидности «ложного сознания» раскрывается ярче именно тогда, когда элиты пытаются объединить свои страдания от мелкости жемчуга со страданиями масс от щей без соли. Обычно национальные элиты заинтересованы в том, чтобы не-элиты воспринимали силу богатых и влиятельных как свою собственную, приобщаясь к силе верхов. Но точно так же «сверху вниз» транслируются ощущение слабости и чувство негодования. Такое бывает, например, в случае неудачи реформ в «догоняющей» стране, когда у ее населения «развивается разочарование, перерастающее в агрессивную неприязнь к государству, бывшему ранее образцом. Особую роль в этом процессе играют элиты (в первую очередь интеллектуальная элита), которые сначала создают некий идеал, на который призывают равняться (Англия для французовских интеллектуалов первой половины XVIII в., Франция для немцев времен наполеоновских войн и т. д.), а затем, по мере разочарования, переходят в оппозицию к своим недавним кумирам» (Понарин, Соколов, 2014, с. 105). Ресентимент аналогичного рода, несомненно, можно обнаружить и у части российских элит как реакцию

на продолжавшуюся почти четверть века ползучую военную и экономико-политическую экспансию в сферы жизненно важных интересов России, «которая порождала у значительной части элиты и населения страны чувство унижения и желание реванша»⁴. Правда, в то же самое время «униженная» элита спешно приобретала за нефтедоллары западную недвижимость, гражданство для своих семей и образование для своих детей» (Медведев, 2014). Ресентимент высших чиновников и «олигархов», имеющих счета, яхты, недвижимость за границей, обусловлен тем, что элитарный Запад их не воспринимает как равных, что НАТО продвигается к границам, что Россию не уважают и т. д. Но он вряд ли совпадает с ресентиментом тех, кто в лучшем случае может себе позволить одну поездку в Турцию за несколько лет. Поэтому ресентимент элит и масс соединен не очень надежным швом, на разрыв которого могли бы рассчитывать обличители ресентимента (особенно извне) в тяжелые времена.

Заключение

Последовательный разрыв шва, соединяющего ресентимент элит и масс возможен только в рамках, условно говоря, «левой» идеологической парадигмы. В этой парадигме, даже если отмечается частичное пересечение ресентиментов низов и верхов, присутствует осознание того, что за попытки вернуть утраченные «имперские» позиции (вне зависимости от их успешности) придется платить – и отнюдь не только верхам, но в гораздо большей степени низам. Однако западная, как и отечественная либеральная критика российского ресентимента обычно не акцентирует внимание на разнице между ресентиментом богатых и ресентиментом бедных. Она объединяет их в одно общество, которое коллективно оказывается неспособным реформировать себя в русле стратегий, «характерных для цивилизационных и политических кругов Запада» и «бежит от свободы» (Oleđzka, 2016, p. 243). Даже если морально-идеологическая сфера конкретно российского общества представляется с точки зрения такой критики ущербной, то она все равно исходит из необходимости идейного единства богатых и бедных, сильных и слабых, эксплуататоров и эксплуатируемых. Единства если не в «норме», так в отклонении от нее – в ресентименте. Ибо любая критика ресентимента в конечном счете апеллирует к неустрашимости неких базовых законов несправедливо устроенного мира. Сомнение же в этой принципиальной неустрашимости может привести к выводам вроде «Мир хижинам, война дворцам!» А этого критика ресентимента как типичная критика «ложного сознания» справа, с позиции «успешных людей», поучающих неуспешных, себе позволить не способна. Поэтому она остается разновидностью «внешнего», вестернизирующего дискурса, выступающего с позиций само собой разумеющейся нормативности, по отношению к которой все прочее есть отклонение. Ей фактически не к кому обратиться в пределах российского социума, которому, какие бы реальные проблемы его не одолевали, за минувшие десятилетия изрядно опустылела такого рода критика. И которое в этом отношении проявляет довольно высокую степень единства – единства в неприятии как тех «успешных

⁴ Караганов, С. (2014, 28 июля). *Избежать Афганистана-2*. Взято 20 февраля 2022, с <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/29501801/izbezhat-afganistana-2>

людей», которые покинули наше общество уже давно, так и тех, кто покинул его совсем недавно.

Список литературы

1. Вайс, Х. (2021). *Мы никогда не были средним классом*. М.: Издательский дом ВШЭ.
2. Гудков, Л. (2021). От «утопии Запада» к реакционной утопии: антизападный ресентимент в путинской России. В К. Рогов (Ред.), *Знамя конфронтации. За что и почему Россия воюет с Западом?* (с. 71–87). М.: Либеральная миссия.
3. Медведев, С. (2014). Русский ресентимент. *Отечественные записки*, (6). Взято 20 февраля 2022, с <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/russkij-resentiment.html>
4. Ницше, Ф. (1990). К генеалогии морали. Полемическое сочинение. В Ф. Ницше, *Сочинения в 2 т.* (Т. 2, с. 407–524). М.: Мысль.
5. Понарин, Э., Соколов, Б. (2014). Глобальная политика глазами российской элиты: Анализ данных опросов 1993–2012 гг. *Россия в глобальной политике*, 12(5), 100–112.
6. Фишман, Л.Г. (2021). Наследник и бастард. Заметки о социальном генезисе ресентимента. *Полития*, (4), 145–162. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-145-162>
7. Хиршман, А. (2010). *Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность*. М.: Издательский дом ВШЭ.
8. Шелер, М. (1999). *Ресентимент в структуре моралей*. СПб.: Наука.
9. Шляпентох, В. (2010). Айн Рэнд: ее марксистские и большевистские корни. *Новое литературное обозрение*, (4), 179–190.
10. Olędzka, J. (2016). Socio-political changes in Russia after 1991. Russian “escape from freedom” or “lost in transformation”? *International Journal of Russian Studies*, (5/2), 242–253.

References

1. Fishman, L. G. (2021). *Naslednik i bastard. Zametki o social'nom genезise resentimenta* [Heir and bastard. Notes on the social genesis of resentment]. *Politiya*, (4), 145–162. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-145-162>
2. Gudkov, L. (2021). От “утопии Запада” к реакционной утопии: антизападный ресентимент в путинской России [From “utopia of the West” to reactionary utopia: Anti-Western resentment in Putin’s Russia]. In K. Rogov (Ed.), *The banner of confrontation. For what and why is Russia at war with the West?* (pp. 71–87). Moscow: Liberal’naya missiya.
3. Hirschman, A. (2010). *Ritorika reakcii: izvrashchenie, tshchetnost’, opasnost’* [The rhetoric of reaction: Perversity, futility, jeopardy]. Moscow: Izdatel’skij dom VShE’.
4. Medvedev, S. (2014). *Russkij resentment* [Russian resentment].

Otechestvennyye zapiski, (6). Retrieved February 20, 2022, from <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/russkij-resentiment.html>

5. Nietzsche, F. (1990). K genealogii morali. Polemicheskoe sochinenie [On the genealogy of morality: A polemic]. In F. Nietzsche, *Sochineniya v 2 t.* (Vol. 2, pp. 407–524). Moscow: Mysl’.

6. Olędzka, J. (2016). Socio-political changes in Russia after 1991. Russian “escape from freedom” or “lost in transformation”? *International Journal of Russian Studies*, (5/2), 242–253.

7. Ponarin, E.D., & Sokolov, B. (2014). Global’naya politika glazami rossijskoj elity: Analiz dannyh oprosov 1993–2012 gg. [Foreign policy views of Russian elite in 1993–2012]. *Rossiya v global’noj politike*, 12(5), 100–112.

8. Scheler, M. (1999). *Resentiment v strukture moralej* [Resentiment in the structure of morality]. Saint Petersburg: Nauka.

9. Shlapentokh, V. (2010). Ajn Rend: ee marksistskie i bol’shevistskie korni [Ayn Rand: Her Marxist and Bolshevnik roots]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (4), 179–190.

10. Weiss, H. (2021). *Мы никогда не были средним классом* [We have never been middle class]. Moscow: Izdatel’skij dom VShE’.

Информация об авторе

Леонид Гершевич Фишман, доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5062-8291>, e-mail: lfishman@yandex.ru

Information about the author

Leonid Gershevich Fishman, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5062-8291>, e-mail: lfishman@yandex.ru